

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПИСАТЕЛЬ

Леонид Юзефович: До перестройки мы были 40-летними мальчиками, а потом вдруг стали 40-летними стариками

Разговор с крупнейшим российским прозаиком, лауреатом премии «Большая книга», выходцем из Перми

Юлия Баталина

— Что скажете о литературном фестивале и книжной ярмарке, благодаря которым у нас есть возможность пообщаться?

— Я очень рад, что здесь, в Перми, такая замечательная книжная ярмарка. Я встретил двух знакомых издателей, один мне сказал, что он продал книг уже на 10 тыс. руб., и он очень доволен. А второй сказал, что он продал книги на 8 тыс. руб., и «это ужасно, никто ничего не покупает»... Я понял, что дело не в том, кто как и что покупает, а в том, кто как видит: стакан наполовину пустой или наполовину полный.

Мне нравится эта ярмарка: в ней всё соразмерно. В Санкт-Петербурге, где я живу в последние годы, ярмарка проводится на Васильевском острове, в огромном выставочном центре, где можно проводить, например, автосалоны. Петербуржцы — люди избалованые всяческими событиями и не очень-то готовы ехать куда-то на окраину. Да и издательств в Питере не так уж много, салон выглядит пустовато. А здесь всё соразмерно: количество приехавших издателей, количество посетителей...

Лучше всего, по моему опыту, проходит книжная ярмарка в Одессе. Там, на Украине, не очень хорошо с русскими книгами. В Киеве нет ни одного русского книжного магазина, русские книги можно купить только на рынке. И в Одессе примерно так же. Поэтому там раскупают всё, что ни привезёшь. Мне кажется, что пермским издателям можно было бы туда съездить: они там хорошо продадут всё, что издано.

— После вашего нашумевшего романа «Журавли и карлики», получившего премию «Большая книга», по-моему, у вас пока ничего нового не издано...

— Книги у меня выходят редко, я пишу роман года три-четыре-пять, а в промежутках просто живу, путешествую, читаю, занимаюсь кино.

На этой неделе началась работа над фильмом по моему сценарию по моей же очень старой повести. Действие её происходит в Перми. Мне продюсер обещал, что они сюда, во всяком случае, пошлют «разведочную группу» и посмотрят, можно здесь снимать или нельзя.

Когда снимали фильм «Казароза» по моему роману, сюда приезжала такая разведка. Они были в Перми, были в Кунгуре, но всё-таки фильм снимался в Костроме, потому что там старых кварталов гораздо больше.

Это моя старая повесть, она называется «Контибуция». Она выходила один раз в журнале «Уральский следопыт» и один раз в сборнике 1987 года. Я никогда её не переиздаваю, потому что

она очень плохо написана. Я тогда молодой был.

Сейчас много ранних писателей, таких как Алексей Иванов, который свой лучший, может быть, роман написал в 23 года, или там Захар Прилепин. Мое поколение другое: мы задержались в развитии из-за того, что в советское время всем был свойственен инфантилизм, который мы принимали за романтизм. До перестройки мы все были 40-летними мальчиками, а потом произошла перестройка, и все мы вдруг стали 40-летними стариками. В этом трагедия моего поколения.

Так вот, повесть очень плохо написана, но сюжет там замечательный! Там у меня впервые действует генерал Пепеляев, командующий Среднесибирским корпусом. Пепеляев мне очень симпатичен, я читал его следственное дело. Я сейчас пишу о нём документальную книгу — не только о нём, но и о тех красных командирах, которые ему противостояли и которые были очень светлыми личностями.

В 1997 году в Москву приезжал Майкл Джексон, и Александр Коржаков, который был начальником ельцинской охраны, подарил ему наградную шашку. Коржаков сказал, что шашку эту отрывается от сердца, что это шашка его деда... А я переписывался с внуком генерала Пепеляева, и он мне написал, что это шашка генерала Пепеляева: его судили в Чите, и в музее Забайкальского военного округа хранилась его шашка. Когда Коржаков приезжал туда, то командующий военным округом в порыве чинопочтания подарил эту шашку Коржакову, а Коржаков подарил её Майклу Джексону. На таможне у Майкла Джексона её конфисковали. Два года назад, в 2011 году, эта шашка была продана с аукциона за \$30 тыс. Покупатель решил остановиться неизвестным. Никто не знает, где теперь эта шашка.

Так вот, повесть «Контибуция» — это история о том, как в 1918 году белые входят в Пермь, и Пепеляев собирает купцов для того, чтобы попросить у них денег на обмундирование, на оружие, на лошадей, на провизию.

Нам в советское время говорили, что колчаковцы получали дотации колоссальные от англичан, но на самом деле там всё продавалось, всего не хватало, и белые были раздеты и босы, и оружие у них было очень плохое. При этом в Белой армии была коррупция: я читал потрясающие истории о том, как во Владивосток приходят английские танки, купленные за золотой запас России, и эти танки белые продают красным...

Пепеляев просит денег на войну, а купцам денег жалко... Что-то, конечно,

они приносят, но тут пропадает одна драгоценность. Всё это происходит...

Мы с дочерью гуляли по Перми, и я ей показал здание губернаторского особняка на углу улиц Сибирской и Екатерининской, бывший туберкулёзный диспансер. Вот там всё и происходит — в этом особняке! Для киноников это большой подарок, потому что это так называемый герметический детектив, где всё действие происходит в одной комнате, за исключением первых и последних 10 минут.

Генерал Пепеляев не может драгоценность найти, и он призывает к себе на помощь пленного красного командира, который до того работал следователем. Это настоящий красный, убеждённый, но он вынужден прибегнуть к его помощи. И постепенно они понимают, что некоторые человеческие вещи важнее, чем та политика, которая их разъединяет.

Эту повесть прочитала Светлана Кармалита — вдова Алексея Германа, и режиссёр Сергей Снежкин. У меня купили права, я подписал контракт на сценарий и даже его написал. Но в кино у нас ситуация такова, что нельзя сказать, когда выйдет фильм и выйдет ли он вообще...

— Почему Свердловск стал главнее Перми?

— Потому что в Свердловске был Бажов. А в Перми Бажова не было. Он здесь учился, да, но вся его творческая жизнь прошла там. А это великий писатель. Бажов жил в Свердловске, и поэтому Свердловск стал главнее Перми. Это мое глубокое убеждение.

— А чего Перми очень не хватает, что нужно сделать срочно, немедленно, чтобы продвинуться?

— Перми не хватает ещё полумиллиона населения, которое есть в Екатеринбурге. Вот как будет ещё полумиллиона, будет такая же мощная литературная жизнь.

— Кого из ныне живущих писателей вы цените?

— Я неоднократно отвечал на этот вопрос. Я считаю выдающимся писателем Алексея Иванова.

Ещё есть Нина Горланова, к которой я отношусь с огромным уважением, но всё-таки это женская проза. В этом нет ничего плохого, она просто другая. Это проза, где главное внимание уделяется отношениям между людьми, пусть не обязательно между мужчиной и женщиной, но между людьми. А мужская проза — это могут быть отношения между человеком и идеей, между человеком и временем, между человеком и местом.

Хорошо, что женская проза есть, потому что мы, мужчины, часто нюансов человеческих отношений не замечаем.

Очень хорошим писателем был мой друг покойный Володя Соколовский. И ещё мне очень нравится книжка Владимира Воробьёва «Капризка». Моя дочь на ней выросла и дети всех моих знакомых.

Владимир Пирожников — замечательный писатель. Алексей Иванов говорил о нём как о человеке, который очень на него повлиял в юности. Он лет в 25 опубликовал замечательную повесть «На пажитях небесных», которая привела в восторг братьев Стругацких, и они её опубликовали в журнале «Знание — сила». Что такое в 1970-е годы было опубликоваться в журнале «Знание — сила», может быть, некоторые здесь ещё помнят: это было практически нереально.

Алексей Иванов в своей серии «Пермь как текст» переиздал повести Пирожникова, и я их перечитал. Это невероятно! То, что я 30 лет назад написал, читать невозможно. А то, что написал Пирожников, ничуть не устарело.

Время никого и ничего не красит. Это иллюзия, что что-то становится со временем лучше, на самом деле со временем всё становится хуже. Но если какой-то текст переживает тот период времени, когда он становится хуже, то он из старого имеет шанс превратиться в стаинский, и тогда уже стать краской классикой. Мне кажется, из пермских литераторов такой шанс имеет Алексей Решетов. Его стихи сейчас как раз переживают метаморфозу из старых в стаинные.

А если брать писателей не из Перми... Начнём с наших соседей. В Екатеринбурге живёт замечательная писательница Анна Матвеева. Сейчас издана её книга «Подожди, я умру — и приду», она вошла в шорт-лист премии «Большая книга», я её прочитал, и она мне очень понравилась. Мне нравился её роман «Перевал Дятлова», ну, так — спокойно нравился, а вот этот сборник рассказов — он замечательный.

Из петербуржцев я бы порекомендовал Сергея Носова. Очень интересный писатель-философ Александр Секацкий — он такой поп-философ, моя жена все его книжки читает.

Из московских писателей я считаю замечательным литератором Дмитрия Быкова. Больше всего мне нравятся его стихи, но я все его романы прочитал. У меня к нему масса претензий, я раздражаюсь, но тем не менее я читаю у него всё — что-то с большим интересом, что-то с меньшим.

Замечательный писатель — для меня, наверное, самый лучший (но это глубоко индивидуально) — Александр Терехов. Ранние вещи читать не надо, а вот два его романа — «Каменный мост» и «Немцы» — замечательные.